

Некоторые проблемы коллизионно-правового регулирования наследственных отношений в Российской Федерации

*Абраменков М.С. **

Наследственные отношения относятся к той области общественной жизни, правовая регламентация которой обеспечивается преимущественно внутренними, национально-правовыми нормами. Указанное объясняется тем обстоятельством, что отношения по наследованию в значительной степени подвержены влиянию исторических, этнических, религиозных и иных факторов, которые обуславливают наличие существенных различий в позитивном праве разных государств и делают унификацию соответствующих правовых норм затруднительной, а подчас и невозможной. В то же время «выход» отношений по наследованию за пределы границ одного государства не является для современного гражданского оборота экстраординарным явлением. Миграция населения, заключение браков между иностранцами, рождение в подобных смешанных брачных союзах детей, международное усыновление и т.д. – все это порождает задачу поиска адекватного правового упорядочения общественных отношений в условиях интернационализации.

Не будет искажением истины утверждать, что такая интернационализация решения правовых проблем наследования характерна не только для сегодняшней действительности. Уже в ранних правовых памятниках Древней Руси подверглись регулированию соответствующие вопросы. Так, в договоре князя Олега с византийцами («греками») 911 г. содержалась специальная статья, посвященная русским, находящимся на службе у греческого царя, которая гласила: «Если кто из них умрет, не завещав своего имущества, а своих родственников у него в Греции не будет, то пусть возвратят все имущество ближайшим родственникам на Руси. Если же он составит завещание, то пусть тот, кому он написал распоряжение наследовать имущество, возьмет имущество и наследует в нем»¹. Данная норма являет собой один из редчайших примеров двусторонней международно-правовой унификации положений о наследовании.

* Абраменков Михаил Сергеевич – ассистент кафедры права Дзидмитровградского филиала Ульяновского государственного университета (Ульяновская область), аспирант Московской государственной юридической академии

¹ См.: *Ануфриева Л.П.* Международное частное право: В 3 т. Том 2. Особенная часть: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: БЕК, 2002. С. 519.

Понятие и содержание наследственного статута. Если национальное право какого-либо государства не содержит подобных правил, созданных посредством международно-договорных инструментов в целях достижения единообразия (что выступает типичным явлением), то перед правоприменителем с неизбежностью встает вопрос о том, какими правовыми нормами должно быть урегулировано данное отношение – собственными или иностранными, а если иностранными, то какими принципами надлежит руководствоваться при их выборе. Таковую ситуацию в доктрине и практике международного частного права (далее – МЧП) традиционно именуют *коллизийным вопросом*. Для его решения необходимым соответствующий юридический инструментарий. Принципиальным звеном в нем выступает совокупность особых предписаний – коллизийных норм. Задача суда или иного компетентного органа в данном случае состоит в том, чтобы на основании таких норм определить, какой национальный правопорядок будет регулировать частное отношение международного характера *по существу*, т.е. выступать для данного отношения в качестве *lege causae*. Установленный на основе коллизийно-правовых предписаний правопорядок, который является компетентным для целей регламентации частных отношений, выходящих за пределы юрисдикции одного государства, применительно к их существу традиционно именуется в доктрине и практике МЧП *статутom частного отношения* (вещным, обязательственным, наследственным, деликтным и т.д.). Как отмечается в литературе, «сегодня понятие «статут» указывает на конечный пункт коллизийно-правовой привязки: соответствующий компетентный правопорядок»².

С учетом изложенного понятие наследственного статута можно определить следующим образом: *под наследственным статутом понимается определенный с помощью коллизийных норм правопорядок, призванный регулировать по существу наследственные отношения, юридически связанные с правопорядками нескольких государств*. Сходным образом дают дефиницию наследственного статута М.М. Богуславский³, В.П. Звеков⁴, А.Л. Маковский⁵.

² См.: *Iunker A.* Internationales Privatrecht. München, 1998. S. 188.

³ См.: *Богуславский М.М.* Международное частное право. Изд 5-е, перераб. и доп. М., 2004. С. 445.

⁴ См.: *Звеков В.П.* Международное частное право. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 2004. С. 499.

⁵ См.: *Международное частное право. Учебник.* / Отв. ред. Н.И. Марышева. М., 2004. С. 444.

Как правило, законодатель не устанавливает круг вопросов, регулируемых нормами наследственного статута⁶ – в основном данная проблематика составляет предмет внимания доктрины. Так, Л.А. Лунц относил к наследственному статуту «все вопросы, касающиеся круга наследников по закону, очередности их призвания к наследованию, их доли в наследственном имуществе; вопросы свободы завещательных распоряжений (в частности, вопросы круга возможных наследников по завещанию, их долей в наследственном имуществе, вопросы так называемых необходимых наследников и их обязательной доли, вопросы о подназначении наследников); вопросы срока на принятие наследства и на отказ от принятия наследства, о способности быть наследником (о так называемых недостойных наследниках)».⁷

В то же время следует обратить внимание на прямо противоположные правила Кодекса Бустаманте, в ст. 144 которого установлено, что «наследство по завещанию и по закону, порядок призвания к наследованию, размер наследственных пошлин и материальную действительность [завещательных распоряжений], будут регулироваться... личным законом наследодателя, каковы бы ни были характер имущества и место его нахождения»⁸.

Как видим, общие рамки содержания наследственного статута (без обращения к конкретным нормам соответствующих правовых систем) могут быть определены лишь схематично. Поэтому с учетом ограниченности рамок статьи стоит указать в общем плане, что *в сферу действия наследственного статута входят разнообразные вопросы перехода имущества умершего к другим лицам.*

Критерии определения наследственного статута и юридические проблемы его отыскания и действия (проблема «расщепления наследственного статута»). В мировой практике выработано несколько основных коллизионных принципов определения наследственного статута, что позволяет, во-первых, говорить о наличии различных систем коллизионно-правового регулирования отношений по наследо-

⁶ Исключением может служить ст. 67 румынского Закона № 105 (1992) применительно к регулированию отношений в области международного частного права // См.: Международное частное право: иностранное законодательство / Сост. А.Н. Жильцов, А.И. Муранов. М.: Статут, 2001. С. 504.

⁷ См.: Лунц Л.А. Курс международного частного права в трех томах. М., Спарк, 2002. С. 699.

⁸ См.: Международное частное право: иностранное законодательство / Сост. А.Н. Жильцов, А.И. Муранов. М.: Статут, 2001. С. 765.

ванию и, во-вторых, классифицировать указанные системы по определенным критериям.

Это прежде всего системы, разделяющие наследственное имущество на две части – движимое и недвижимое и подчиняющие первую из них закону гражданства или domicilia наследодателя на момент его смерти, а вторую – закону места нахождения имущества. К странам, использующим указанный подход, относятся Англия, США, Франция, Бельгия, КНР, Мадагаскар, Российская Федерация, Румыния, Таиланд, Эстония. Вторая группа правовых систем исходит из начала единства наследственной массы и подчиняет наследственные отношения закону гражданства или domicilia наследодателя на момент его смерти. Этому принципа придерживаются Австрия, Бразилия, Буркина-Фасо, Венгрия и ряд других государств.

Принцип, лежащий в основе первой из указанных систем, в литературе иногда именуют «расщеплением наследственного статута», «расщеплением коллизионной привязки»⁹. Рассмотрим, насколько это соответствует принципиальным постулатам учения о коллизиях законов в МЧП и теоретическим основам коллизионного права.

В мировой доктрине «расщепление статута» (англ. *splitting, scission*; нем. *Spaltung, Zersplitterung*; франц. *dûpeçage*) не имеет единого определения.

Так, немецкий автор Г. Кегель пишет, что расщепление права (*Rechtsspaltung*) имеет место в том случае, «если в зарубежном государстве, право которого подлежит применению, действует различное право». При этом расщепляться могут как материальные правовые нормы, так и коллизионные¹⁰. Этот вид «расщепления» может быть представлен правовой системой США, где каждый штат имеет собственное не только материальное, но и коллизионное право. Можно также указать и на английское материальное право, в котором до 1925 г. действовали две самостоятельные системы наследования – одна для

⁹ См., например: Виноградова Р.И., Дмитриева Г.К., Ретин В.С. Указ. соч. С. 399; Зевков В.П. Указ. соч. С. 500; Толстых В.Л. Коллизионное регулирование в международном частном праве. М.: Спарк, 2002. С. 199; Кох Х., Магнус У., Винклер фон Моренфельс П. Международное частное право и сравнительное правоведение / Пер. с нем. д.ю.н. Ю.М. Юмашева. М.: Международные отношения, 2003. С. 119-120.

¹⁰ См.: Kegel G. Internationales Privatrecht. München, 1971. S. 154.

движимого, а вторая для недвижимого имущества.

Иными словами, под «расщеплением права» в том смысле, в котором высказывался Г. Кегель, необходимо понимать, как правило, случаи отыскания компетентного правопорядка в условиях существования в одном государстве множественности территориальных или действующих по разному кругу лиц правовых систем. Однако понятно, что статут соответствующего общественного отношения, будучи в конечном итоге найденным, подлежит применению в целом (за теми редкими, возможно, исключениями, когда необходимо особо выделить какие-то специфические его элементы).

Под расщеплением в доктрине также понимается «специальная привязка отдельных правовых вопросов, вытекающих из одного и того же дела»¹¹. Американский автор А. Эренцвейг указывает, что данное явление имеет место в том случае, если «квалификация касается в большей степени отдельного вопроса, нежели основания иска в целом»¹². В этой связи анализу подвергаются, в частности, проблемы определения обязательственного статута¹³. Для целей настоящей статьи представляется целесообразным остановиться на данной проблеме чуть детальнее.

Дело в том, в ряде современных кодификаций МЧП содержится норма, в соответствии с которой стороны контракта, выбирая применимое к своим отношениям право, могут осуществить такой выбор как для договора в целом, так и для отдельных его частей. Такие предписания содержатся, например, во Вводном законе к Германскому гражданскому уложению 1986 г. (п. 1 ст. 27), Гражданском кодексе Российской Федерации (п. 4 ст. 1210). Как отмечают отечественные исследователи, комментируя указанное законоположение, данная новелла рассчитана, прежде всего, на те случаи, когда в договорных отношениях достаточно отчетливо можно выделить обособленные элементы, относящиеся, например, к различным типам договоров внутри единого комплекса отношений сторон. В данном случае вполне правомерно говорить о «распадении» («разделении», «расщеп-

¹¹ См. *Jaime E.* Betrachtungen zur «dîpeze» im internationalen Privatrecht // Festschrift für Gerhard Kegel zum 75. Geburtstag 26. Juni 1987. herausgegeben von H.-J. Musielak, K. Schurig. Verlag W. Kohlhammer. Stuttgart, Berlin, Köln, Mainz. 1987. S. 254.

¹² См.: *Ehrenzweig A.* Private International Law. 1967. P. 119.

¹³ См., напр.: *Jaime E.* Op. cit. S. 256 (см. сноски 21 и указанную там литературу).

лении») обязательственного статута¹⁴. О нем можно вести речь и тогда, когда отношения сторон по договору подчинены праву места исполнения обязательства¹⁵.

Таким образом, можно сформулировать следующие признаки понятия «расщепления» статута частного отношения международного характера: *«расщепление» статута может иметь место тогда, когда единый объем коллизионной нормы прикрепляется для целей регулирования к праву соответствующей страны с помощью такой коллизионной формулы, которая приводит в действие несколько правопорядков, претендующих на регулирование отношений, указанных в объеме данной правовой нормы.*

В свете этого необходимо проанализировать, имеет ли место указанное явление в сфере коллизионно-правового регулирования наследственных отношений, особенно в тех странах, которые используют первую из указанных выше систем – систему раздельности наследственной массы.

Как уже указывалось выше, исходным принципом этой системы является разделение наследственного имущества на две части – движимое и недвижимое. Для каждой из этих частей используется своя, самостоятельная коллизионная привязка – гражданство или место жительства наследодателя на момент смерти для движимостей, и место нахождения имущества – для недвижимостей. Таким образом, каждый из компонентов наследства подчиняется отдельному, «своему» правопорядку с точки зрения используемых формул прикрепления. Из приведенных соображений с необходимостью следует, что здесь речь идет не о «расщеплении» статута наследования, но, напротив, о двух самостоятельных статутах, регулирующих соответствующие отношения¹⁶. На практике они могут совпадать (если недвижи-

¹⁴ См., напр.: Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть третья (постатейный) / Отв. ред. Л.П. Ануфриева. М.: Волтерс Клувер, 2004. С. 508; Комментарий к части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации / Под ред. А.Л. Маковского, Е.А. Суханова. М.: Юристъ, 2003. С. 424-426; Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части третьей (постатейный) / Отв. ред. д.ю.н. проф. Н.И. Марышева, д.ю.н. проф. К.Б. Ярошенко. М.: НОРМА, 2004. С. 481; *Виноградова Р.И., Дмитриева Г.К., Ретин В.С.* Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части третьей / Под общ. ред. д.ю.н. проф. В.П. Мозолина. М., НОРМА, 2002. С. 345.

¹⁵ См.: *Лунц Л.А.* Указ. соч. С. 487-488.

¹⁶ См.: *Лунц Л.А.* Коллизионные вопросы наследования в советском праве // Очерки

мость расположена на территории государства, гражданином или домицилированным лицом которого является наследодатель на момент своей смерти), но могут и различаться (если в составе наследства имеется недвижимость, расположенная в государстве, ином, нежели таковое гражданства или домицилия наследодателя на момент смерти последнего). Вместе с тем именно «расщепление» наследственного статута возникает в том случае, если умерший имел недвижимость в нескольких государствах. На это в свое время обращали внимание И.С. Перетерский и С.Б. Крылов, отметив, что «если отдельные недвижимости расположены в нескольких государствах, то имеется столько различных наследований, иногда сильно отличающихся одно от другого в отношении круга наследников и т.п., сколько недвижимостей»¹⁷. Аналогичным образом высказывался еще в XIX в. член Палаты лордов судья Уильям Грант¹⁸.

Какие же выводы следует сделать? Представляется, что при сравнении двух систем коллизивно-правового регулирования наследственных отношений выявляются следующие взаимосвязанные критерии их дифференциации: а) единство или расщепление *наследственной массы*, а не статута наследования, на что обращается внимание в зарубежной доктрине¹⁹; б) унитарность или множественность право-порядков, применимых к наследованию и, следовательно, наличие одного или нескольких самостоятельных наследственных статутов.

Принципы определения наследственного статута в праве РФ. Прежде чем перейти к рассмотрению особенностей нового российского регулирования в области наследования, которые могут обуславливать обращение к средствам коллизийного права, представляется целесообразным обратить внимание на некоторые общие положения принципиального характера, свойственные национально-правовой рег-

международного частного права. М., Издательство ИМО, 1963. С. 103-111; *Богуславский М.М.* Указ. соч. С. 448; Международное частное право: Учебник / Отв. ред. Н.И. Марышева – М.: Юристъ, 2004. С. 445; Комментарий к части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации / Под ред. А.Л. Маковского, Е.А. Суханова. М.: Юристъ, 2003. С. 485

¹⁷ См.: *Перетерский И.С., Крылов С.Б.* Международное частное право. М., 1940. С. 166.

¹⁸ См.: *Story J.* Commentaries On The Conflict Of Laws. 3-d ed. Boston, London, 1846. P. 828-829.

¹⁹ См.: *Вольф М.* Указ. соч. С. 605; *Cheshire and North.* Private International Law. 11th ed. London, 1987. P. 833; *Madl F., Vekas L.* The Law of Conflicts and Foreign Trade. Budapest, 1987. P. 288; *Iunker A.* Op. cit. S. 194; *Schwimmann M.* Internationales Privatrecht mit vilen Beispielen. Wien, 1993. S. 93.

ламентации наследственных отношений в нашей стране.

С 1 марта 2002 г. была введена в действие третья часть Гражданского кодекса РФ (далее – ГК), содержащая в себе два раздела – «Наследственное право» и «Международное частное право». Материально-правовое регулирование отношений по наследованию претерпело в отечественном праве существенные изменения, как по объему, так и по содержанию. Количество статей увеличилось более чем вдвое: раздел 7 ГК РСФСР 1964 г. насчитывал всего 35 статей, в ныне действующем разделе V ГК присутствует уже 76 статей. Кроме того, нормы внутри данного раздела подверглись систематизации, в результате чего они сгруппированы по главам – «Общие положения о наследовании», «Наследование по завещанию», «Наследование по закону», «Приобретение наследства», «Наследование отдельных видов имущества».

В литературе отмечается, что новая регламентация наследственных отношений следует в общем русле принципов частного права, установленных в ГК РФ²⁰. Углубление частноправовых начал в новом наследственном праве России осуществлено с помощью обращения к различным правовым средствам. Среди них прежде всего надо отметить закрепление *свободы завещания* в качестве принципа частного права вообще и гражданского права в том числе. В ГК РФ можно выделить несколько аспектов свободы завещания: 1) завещание составляется лицом по своему усмотрению, что корреспондирует общему правилу об осуществлении гражданских прав своей волей и в своем интересе (ст. 1 ГК). Решения, касающиеся самого акта завещания как такового и содержания завещательных распоряжений, должны приниматься завещателем самостоятельно и независимо. При этом он не обязан сообщать кому-либо о совершении, изменении или отмене завещания, равно как и о его содержании; 2) имущество может быть завещано любым лицам – гражданам РФ, иностранным гражданам и лицам без гражданства, которые живы на момент открытия наследства и могут быть признаны наследниками (указанная категория лиц призывается и к наследованию по закону); российским и иностранным юридическим лицам, существующим на момент открытия наследства. Кроме того, наследниками по завещанию могут быть

²⁰ См.: Суханов Е.А.. О третьей части Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник ВАС РФ. 2002. № 3.

Российская Федерация и ее субъекты, муниципальные образования, а также иностранные государства и международные организации. Думается, что в перечень наследников по завещанию может быть включена иностранная организация, не являющаяся юридическим лицом в соответствии с нормами «собственного» права (ст. 1203 ГК), хотя законодатель об этом не упоминает. Как видим, круг субъектов, которые могут призываться к наследованию, существенно расширен и включил в себя категорию, традиционно именуемую «иностранными лицами»; 3) предметом завещательного распоряжения может быть любое имущество, которое окажется принадлежащим завещателю на момент открытия наследства, не изъятое из гражданского оборота (например, золото в самородках или в виде песка не может ни находиться в собственности, ни передаваться по наследству). При этом в состав наследства в соответствии со ст. 1112 ГК включаются и могут быть завещаны принадлежащие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности. В условиях интенсивно развивающегося хозяйственного оборота наследственное имущество может заключать в себе движимое и недвижимое имущество, расположенное за пределами РФ, права, вытекающие из договора банковского счета с иностранным банком или иностранной страховой компанией, – все то, что можно условно обозначить как «заграничное имущество».

В российской правовой доктрине и практике наследование традиционно трактуется как разновидность универсального правопреемства, при котором наследник при принятии наследства становится носителем прав и обязанностей наследодателя в целом и не может принять лишь их часть, а от остальных отказаться. Такая квалификация наследования восходит к классическому римскому праву, где в лице наследника видели продолжение юридической личности наследодателя²¹. Дореволюционный отечественный исследователь Г.Ф. Шершеневич писал, что «совокупность юридических отношений, в которые поставило себя лицо, со смертью его не прекращается, но переходит на новое лицо. За исключением ... сравнительно немногочисленных

²¹ См.: Римское частное право: Учебник / Под ред. проф. И.Б. Новицкого и И.С. Перетерского. М.: Юрист, 1997. С. 222. Авторы цитируют отрывки из *Corpus Iuris Civilis Iustiniani: hereditas nihil aliud est, quam successio in universum ius quod defunctus habuerit* (Digesta, 50.17.62); *nostris videtur legibus una quodammodo persona heredis et illius qui hereditatem in eum transmittit* (Novellae, 48).

отношений, все прочие сохраняют свою юридическую силу»²². Сходным образом давали определение наследования К.П. Победоносцев²³, Б.Б. Черепахин²⁴.

Статья 1110 ГК РФ впервые в истории отечественного гражданского законодательства понятие наследования как универсального правопреемства закрепила легально: «при наследовании имущество умершего (наследство, наследственное имущество) переходит к другим лицам в порядке универсального правопреемства, то есть в неизменном виде как единое целое и в один и тот же момент, если из правил настоящего Кодекса не следует иное». Такое закрепление свидетельствует не только о восприятии законодателем соответствующих доктринальных разработок, но и о применении такого важного юридического инструмента, как квалификация. В том случае, если вопрос о наследовании после умершего лица будет стоять перед судьей или нотариусом в Российской Федерации, то ими будет использована конструкция правопреемства. Если бы аналогичный вопрос ставился перед правоприменителями в странах англо-саксонского права, то здесь подход был бы принципиально иной: при наследовании имеет место исчезновение юридической личности умершего и ликвидация его имущества; при этом осуществляется сбор причитающихся ему долгов, оплата его долгов, погашение его налоговых и иных обязанностей. Указанная процедура именуется администрированием (*administration*) и протекает под контролем суда. Наследники же получают право на чистый остаток (*net estate*)²⁵.

На наш взгляд, квалификация наследования в качестве *successio in universum* осуществлена законодателем не только посредством предписаний, содержащихся в упомянутой ст. 1110 ГК, но также посредством таковых, закрепленных в его ст. 1112.

²² См.: Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. Т. 2. § 66 // СПС «КонсультантПлюс». «Классика российской цивилистики».

²³ См.: Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Часть вторая: Права семейственные, наследственные и завещательные. § 32 // СПС «КонсультантПлюс». «Классика российской цивилистики».

²⁴ См.: Черепахин Б.Б. Правопреемство по советскому гражданскому праву. § 2, подпараграф 1. (Труды по гражданскому праву) // СПС «КонсультантПлюс». «Классика российской цивилистики».

²⁵ См.: Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть третья (постатейный) / Отв. ред. Л.П. Ануфриева. М.: Волтерс Клувер, 2004. С. 1-2; Гражданское и торговое право зарубежных стран. учебное пособие / Под общ. ред. В.В. Безбаха и В.К. Пучинского. М.: МЦФЭР, 2004. С. 650-651.

На первый взгляд, может показаться, что данная статья основной и единственной своей целью имеет нормативное закрепление *состава* наследственного имущества: «В состав наследства входят принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности. Не входят в состав наследства права и обязанности, неразрывно связанные сличностью наследодателя, в частности право на алименты, право на возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина, а также права и обязанности, переход которых в порядке наследования не допускается настоящим Кодексом или другими законами. Не входят в состав наследства личные неимущественные права и другие нематериальные блага». Сообразно этому, в специальной литературе комментаторы нередко толкуют цитированные нормы в аспекте анализа тех положений действующего законодательства РФ, которые посвящены правовому режиму тех или иных видов имущества. Вполне очевидно, что такое толкование нельзя признать абсолютно точным и достаточным.

Неотъемлемой частью анализируемой статьи, в том числе для целей уяснения ее смысла, является ее название – «Наследство». Поименовав так соответствующий комплекс норм, законодатель указал, что после смерти лица его имущество (независимо от своего состава) приобретает особые юридические свойства, превращаясь в объект гражданских прав *локального характера*: разнообразные правоотношения, в которые оно вовлекается, преследуют лишь одну цель – обеспечить его переход от одного лица к другому (другим) в порядке универсального правопреемства. С отмеченным свойством наследственного имущества связана и другая его специфическая черта – *эластичность*. Она означает, что в состав наследства могут входить любые вещи, иное имущество, в т.ч. имущественные права и обязанности, причем в неограниченном количестве. И именно благодаря эластичности туда может входить и «заграничное имущество» (см. выше). В совокупности же локальность и эластичность характеризуют наследство как единое целое (ст. 1110 ГК). Представляется, что сказанное относится не только к «внутреннему» наследованию, но и к таковому трансграничного характера, хотя в литературе встречаются и иные мнения²⁶.

²⁶ См.: Комментарий к части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации. / Под ред. А.Л. Маковского, Е.А. Суханова. М.: Юристъ, 2003. С. 51-52. Автор комментария к ст. 1112 ГК А.А. Рубанов полагает, что свойства локальности и эластичности будут характеризовать наследственную массу только тогда, когда правом, применимым к наследованию, будет российское право.

Проблема квалификации затронута также в ст. 1128 ГК, посвященной завещательным распоряжениям на денежные средства в банках. Эти права входят в состав наследства и наследуются на общих основаниях в соответствии с правилами ГК. Данное обстоятельство имеет прямое отношение и к МЧП, поскольку права, вытекающие из договора с банком, подчинены теперь наследственному, а не обязательственному статусу (отметим, что ранее действующее регулирование стояло на прямо противоположных позициях).

Таким образом, даже поверхностное ознакомление с основными положениями российского наследственного права показывает, что отечественный законодатель ввел в него ряд новелл, которые, с одной стороны, значительно расширяют материальную сферу возникновения наследственных отношений, в том числе и связанных с правопорядками нескольких государств, следовательно, диктуют необходимость обращения к регулятивным средствам МЧП, а с другой стороны, произвел в рамках последнего отход от ранее существовавших решений.

Коллизионные нормы, относящиеся к наследственному статусу, сосредоточены в ст. 1224 ГК РФ. Согласно ее п. 1, «отношения по наследованию определяются по праву страны, где наследодатель имел последнее место жительства, если иное не предусмотрено настоящей статьей». В следующем абзаце того же пункта установлено, что «наследование недвижимого имущества определяется по праву страны, где находится это имущество, а наследование недвижимого имущества, которое внесено в государственный реестр в Российской Федерации, – по российскому праву». Анализируя указанные законоположения, следует отметить несколько моментов.

Во-первых, текстуальное выражение нормы первого абзаца п. 1 ст. 1224 ГК указывает на ее общий характер («если иное не предусмотрено настоящей статьей»). В то же время положения, касающиеся недвижимого имущества, предназначены действовать в качестве специальных. Таким образом, определение круга отношений, охватываемых объемом нормы п. 1, возможно с помощью его сопоставления его с объемом специального коллизионного правила, содержащегося в абзаце втором упомянутой статьи, о «наследовании недвижимого имущества». В этом плане закономерным, очевидно, будет предположение о том, что в общей норме речь идет о движимом имуществе. Данный тезис в принципе не вызывает возражений, однако требует некоторой конкретизации. Дело в том, что в строгом смысле к движимостям

или недвижимостям принято относить только один из видов имущества – вещи (ст. 130 ГК), а состав наследства, как уже отмечалось выше, вещами не исчерпывается (ст. 1112 ГК). Руководствуясь приведенным соображением, приходим к заключению, что формулу объема общей нормы можно выразить следующим образом: «отношения по наследованию движимых вещей и иного имущества, не относящегося к недвижимости». Представляется, что именно такое толкование адекватно отражает волю законодателя, так как охватывает наследование не только движимых вещей, но и иных объектов (например, имущественных прав).

Если текстуальное выражение объема общей коллизионной нормы о наследовании не претерпело изменений по сравнению с ранее действовавшим регулированием (ст. 567 Гражданского кодекса РСФСР 1964 г. и п. 1. ст. 169 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г.²⁷ также оперировали понятием «отношения по наследованию»), то ее привязка в ныне существующем праве сконструирована иначе. Предшествовавшая регламентация прикрепляла наследственные отношения, связанные с правопорядками различных государств, к праву страны, в которой наследодатель имел последнее *постоянное* место жительства. С введением в действие части третьей ГК отношения по наследованию были подчинены праву страны, в которой наследодатель имел *последнее* место жительства. Исключение прилагательного «постоянный» из формулы прикрепления можно, как представляется, объяснить тем обстоятельством, что уже само понятие места жительства лица определяется в нашем праве как место, где гражданин *постоянно* или преимущественно проживает (ст. 20 ГК). Однако подобный вывод сопровождается немалым числом контроверз и сомнений, поскольку отечественному праву известны и такие понятия, как, например, «местопребывание», «резиденция», «преимущественное пребывание» и т.п.²⁸.

По общему правилу, квалификация понятия «место жительства» будет осуществляться в соответствии с российским правом (ст. 1187 ГК). Следовательно, российский правоприменитель, например нотариус, для целей определения права, компетентного регулировать наследование движимых вещей и иного имущества, не относящегося к

²⁷ Далее соответственно ГК 1964 г. и Основы ГЗ.

²⁸ См. об этом: Комментарий к третьей части ГК / Под ред. А.Л. Маковского, Е.А. Суханова. М., 2002.

недвижимости, должен установить, в каком государстве наследодатель постоянно или преимущественно проживал на момент открытия наследства. При этом для установления наличия правовой связи лица с определенным государством необходимо, чтобы оно не просто пребывало на его территории, но находилось там достаточно долгое время, причем на законном основании. Так, в соответствии с положениями Федерального закона от 25 июля 2002 г. «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» иностранные граждане признаются постоянно проживающими на территории РФ, если они имеют вид на жительство. Законодатель не придает юридического значения намерению лица приобрести domicilio в той или иной стране, как это имеет место, например, в английском праве²⁹. Укажем также, что правовой порядок, регулирующий отношения по наследованию, не тождествен личному закону наследодателя (ст. 1195 ГК), хотя может в определенных случаях и совпадать с ним, например в тех случаях, когда наследодатель постоянно проживает на территории государства своего гражданства.

Второй существенной новеллой в сфере отечественного коллизионно-правового регулирования наследственных отношений является специальная норма, содержащаяся в абзаце втором п. 1 ст. 1224 ГК, посвященная наследованию недвижимого имущества, в том числе того, которое внесено в государственный реестр в Российской Федерации. В первом случае компетентным правовым порядком будет правовой порядок страны, в которой имущество находится, во втором – российское право. Появление данной нормы в нашем законодательстве позволяет говорить об изменении концепции коллизионно-правового регулирования в отечественном праве, ибо налицо дифференциация регулирования в зависимости от вида (категории) вещей – движимых и недвижимых (равно как и приравненных к последним). Иными словами, вместо исходного начала единства наследственной массы и применения соответственно общего коллизионного принципа к наследованию, за исключением привязки односторонней коллизионной нормы к праву СССР (в дальнейшем РСФСР и РФ) в особых случаях местонахождения строений на указанной территории, ныне нужно вести речь о двух самостоятельных статутах наследования применительно к разным частям наследственной массы (см. выше). Как видно из пред-

²⁹ См.: Чешир Дж., Норт П. Международное частное право. М.: Прогресс, 1982. С. 191-192.

шествующего изложения, речь идет о коллизионных правилах, отличающихся друг от друга как по объему (и, как следствие этого, по кругу регулируемых отношений), так и по формулам прикрепления. Подобные ситуации имеют место в российской нотариальной практике.

В результате супружеской ссоры был убит гражданин России Р., постоянно проживавший в пригороде Женевы. К нотариусу г. Москвы К. обратилась гражданка России П., действующая в интересах своего несовершеннолетнего сына, который, согласно свидетельству о рождении, является сыном наследодателя и гражданки П., рожденным вне брака. В состав наследственного имущества входит квартира в г. Москве, дом в г. Женева, вклады в российском и швейцарском банках. В данном случае российский нотариус должен применить к наследованию недвижимости российское и швейцарское право³⁰. Из приведенного казуса легко увидеть, что действие единой привязки *lex rei sitae* задействовало несколько правопорядков – статут наследования недвижимости «распался».

Ранее действовавшее регулирование (ст. 567 ГК 1964 г.) также дифференцировало коллизионно-правовую регламентацию наследования в зависимости от состава наследственного имущества, однако в данном правиле речь шла не о недвижимом имуществе, а о «строениях, находящихся в СССР». При этом порядок их перехода по наследству определялся советским правом. Подобный подход объяснялся, во-первых, тем, что до принятия Основ ГЗ Союза ССР и республик 1991 г. и части первой ГК РФ нашему праву не было известно деление вещей на движимые и недвижимые. В то же время, определяя понятие «строение», доктрина исходила из того, что «законодательство, говоря о строениях, имеет в виду не всякую постройку, не временно возведенную для преходящих целей, а лишь прочно связанную с земельным участком», которая образует «хозяйственно и технически единое целое с земельным участком»³¹. Таким образом, конституирующим признаком строения выступало не простое возведение какой-либо конструкции на земельном участке, но неразрывная ее связь с землей, что в свою очередь выступает в качестве основной характеристики недвижимого имущества вообще. В связи с этим в п. 3 ст. 169 Основ речь

³⁰ См.: *Медведев И.Г.* Международное частное право и нотариальная деятельность. 2-е изд. М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 106, 109, 136.

³¹ См.: *Брауде И.Л.* Правовые вопросы индивидуального жилищного строительства. М.: Госюриздат, 1957. С. 25.

шла уже о «строениях и другом недвижимом имуществе». В дальнейшем понятие недвижимого имущества получило в нашем гражданском законодательстве легальное закрепление. К недвижимости стали относить не только здания и сооружения – «строения», но и земельные участки, участки недр, обособленные водные объекты, многолетние насаждения, а также те объекты, которые подлежат государственной регистрации (воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания, космические объекты), и иные объекты, отнесенные законом к недвижимому имуществу (п. 1 ст. 130 ГК). Ныне действующее коллизионное право, следуя данным положениям ГК и учитывая расширение круга объектов, входящих в состав наследства, говорит именно о «наследовании недвижимости».

Во-вторых, законодатель понимал, что распространение отечественного закона на наследование недвижимостей, находящихся за границей, пребывает в явном противоречии с устойчивой с древнейших времен практикой коллизионного регулирования, построенной по принципу прикрепления к закону места нахождения вещи. Тем не менее привязка в ГК 1964 г. и Основах ГЗ наследования строений и иной недвижимости, находящейся в СССР, к советскому праву не имела в литературе однозначного толкования. В частности, А.А. Рубанов считал, что «когда наследодатель постоянно проживал за границей, отношения по наследованию регулируются иностранным законом, за исключением отношений по наследованию строений, к которым применяется советское право. В то же время, если наследодатель постоянно проживал в СССР, но имел строение за границей, наследование целиком регулируется советским правом»³². Противоположной точки зрения придерживался Л.А. Лунц, полагая, что норму о наследовании строений следует квалифицировать «как частный вывод из принципа, по которому наследование в недвижимости подчинено закону ее местонахождения. При таком толковании принцип местонахождения недвижимости применяется также и к случаям, когда недвижимость находится за рубежом»³³. Как видно из текста абзаца второго п. 1 ст. 1224 ГК, законодатель воспринял позицию Л.А. Лунца, заменив одностороннюю коллизионную норму двусторонней и прикрепив регулирование наследования недвижимости к праву страны, в которой недвижимость находится. По этому же праву будет осуществляться соответствующее

³² См.: Рубанов А.А. Указ. соч. С. 221.

³³ См.: Лунц Л.А. Указ. соч. С. 107.

щая квалификация имущества (п. 2. ст. 1205 ГК).

Для особой разновидности недвижимости – объектов, внесенных в государственный реестр в Российской Федерации, – установлена привязка к российскому праву. Эта норма является новеллой. В ней речь идет о таком имуществе, которое квалифицируется как недвижимое не в силу прочной связи с землей, а по юридическому критерию – в силу прямого указания закона. Сюда относятся, например, морские суда, которые в соответствии со ст. 33 Кодекса торгового мореплавания РФ (КТМ) подлежат регистрации в специальном реестре. Прикреплять наследование данных объектов к правопорядку страны их фактического нахождения нецелесообразно, так как они способны и специально предназначены для перемещения в пространстве, в том числе из одной страны в другую. В силу этого единственным фактором, определяющим правовую связь судна с какой-либо национальной правовой системой, является внесение его в специальный реестр.

Остается неясным, подлежит ли рассматриваемое правило расширительному толкованию для целей формирования общего принципа применения закона места государственной регистрации (места внесения в реестр – *lex chartae sitae*) к отношениям по наследованию, например, морских, речных и воздушных судов. На поставленный вопрос должна ответить правоприменительная практика³⁴. Вместе с тем, пожалуй, уместно поставить ту же задачу и перед законодателем, который должен будет учесть и результаты последней, и научные разработки в этом направлении. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что в рассматриваемой части нового российского регулирования наследственных отношений существуют и иные несовершенства, которые неизбежно потребуют своего устранения.

Например, вышеприведенные специальные положения формируют одностороннюю привязку регулирования отношений по наследованию к праву РФ в случаях наличия имущества, внесенного в реестр Российской Федерации. Как быть, если речь идет о внесении в реестр акций или иных ценных бумаг, причем в иностранные реестры? Идет ли речь только о государственных реестрах или также имеются в виду и реестры субъектов частного права (скажем, корпоративных образований)? Это становится особенно важным, в частности, в свете того, что недавние изменения в законодательстве России о ценных бумагах

³⁴ См.: Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть третья (постатейный) / Отв. ред. Л.П. Ануфриева. М.: Волтерс Клувер, 2004. С. 555-556.

обусловили распространение ценных бумаг в бездокументарной форме³⁵. Кроме того, предусмотрены ценные бумаги иностранных эмитентов (п. 31 ст. 1 Закона № 185-ФЗ). Закономерно, что перечисленные обстоятельства не замедлят сказаться и в области наследственных отношений.

Характеризуя действующее российское регулирование так называемого «трансграничного наследования», т.е. наследственных отношений международного характера, необходимо указать еще на ряд важных обстоятельств.

Не вызывает сомнений тот факт, что при конструировании соответствующих коллизионно-правовых предписаний законодателем необходимо исходить из сущности общественных отношений, подвергаемых регламентации. Представляется, что таковая не может дифференцироваться в зависимости от того, идет ли речь о чисто «внутренних» отношениях или же об отношениях, выходящих за пределы юрисдикции одного государства. Наследование – всегда наследование. И если оно квалифицируется как универсальное правопреемство, как об этом говорилось выше, то это указывает на использование определенных подходов к пониманию сути того *социального явления*, которое подпадает под юридическое регулирование. При этом не имеет значения, о какой его разновидности идет речь – о материальных нормах внутригосударственного гражданского законодательства или о национальных коллизионных нормах МЧП.

Если рассмотреть предписания п. 1 ст. 1224 ГК с указанных позиций, то можно прийти к выводу, что содержащиеся в них решения не вполне соответствуют той юридической квалификации, которая осуществлена законодателем в ст. 1110 и 1112 ГК. Анализируемые коллизионные нормы не только ставят перед правоприменительными органами ряд упомянутых выше проблем, связанных с возможной «полистатутностью» наследования. Фактически они лишают наследство таких его важнейших характеристик, как единство и целостность, что, в свою очередь означает утрату наследственным правопреемством свойств универсальности. В итоге становится очевидным, что те правовоположения, которые призваны носить «сквозной», принципиальный характер для регулирования наследственных отношений как таковых, на деле оказываются не в состоянии осуществить свою регламенти-

³⁵ См. п. 2, 10. ст. 1 Федерального закона от 28 декабря 2002 г. № 185-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» и о внесении дополнения в Федеральный закон «О некоммерческих организациях».

рующую функцию надлежащим образом, если наследственные отношения имеют международный характер.

Избежать отмеченных негативных последствий можно было бы в том случае, если использовать для целей регулирования отношений по наследованию единую коллизионную привязку. Нормативная практика и доктрина разных государств в качестве таковой выдвигают, например, гражданство или домицилий наследодателя на момент смерти, место его обычного проживания³⁶. Проблема определения того, какой из приведенных критериев либо их сочетание являются предпочтительными для целей прикрепления к ним статута наследования, должна составить самостоятельный предмет научного исследования, что не входит в рамки настоящей статьи. Поэтому в рамках нашего исследования представляется целесообразным ограничиться следующим соображением: построение системы коллизионно-правового регулирования наследственных отношений на основе дифференциации имущества на движимости и недвижимости не может считаться в полной мере адекватным, как с точки зрения прикладной, так и в свете природы регулируемых отношений.

Во-первых, подчинение движимостей и недвижимостей разным статутам нередко порождает необходимость «поиска компромисса» между несколькими правопорядками, претендующими на регулирование. Как показывает практика, в том числе зарубежная, решение данного вопроса отнюдь не является простым. Нередко ситуация складывается так, что из нескольких наследственных статутов, которые в силу действия коллизионных норм должны были совместно участвовать в регламентации соответствующих отношений, «реально действующим» оказывался только один. В качестве иллюстрации можно указать на одно из решений Палаты Лордов, вынесенное еще в XIX в.

В деле *Balfour v. Scott* лицо, домицилированное в Англии умерло без завещания, оставив недвижимое имущество в Шотландии. Наследником был один из потомков умершего, который претендовал также на часть движимого имущества. В отношении данного притязания было выдвинуто возражение о том, что в соответствии с правом Шотландии данный наследник не имеет доли в движимом имуществе кроме как при условии объединения всей наследственной массы и дальней-

³⁶ См., напр.: *Hayton D. Determination of the Objectively Applicable Law Governing Succession to Deceaseds' Estates*. P. 362-363. // DNotI, Les Successions Internationales dans l'UE. http://www.dnoti.de/eu_etudie/08_Hayton.pdf

шего ее раздела. Тем не менее наследник получил причитающееся ему имущество, так как было применено английское право, а не шотландское. Как видим, невозможность для наследника претендовать на часть движимого имущества не последовала за ним в Англию, и движимое имущество было распределено таким образом, как если бы недвижимость находилась в Англии. Таким образом, не приходится говорить о совместном действии двух правопорядков – напротив, компетентным был признан только один из них³⁷.

Во-вторых, представляется, что единый принцип установления наследственного статута в максимальной степени отвечает сущности наследования как *successio in universum*. В зарубежной доктрине в середине прошлого столетия даже высказывалось мнение, что он является следствием такого понимания посмертного перехода имущества к другим лицам³⁸.

Коллизионные вопросы завещательной дееспособности и формы завещания. Одной из ключевых форм и оснований перехода прав и распоряжения имуществом при наследовании выступает институт завещания. В том случае, если наследственные отношения связаны с правопорядком нескольких государств, перед соответствующими компетентными органами с неизбежностью встают вопросы о том, удовлетворяет ли завещательное распоряжение материальным требованиям по его составлению, составлено ли оно в надлежащей форме дееспособным лицом, не нарушает ли оно норм публичного порядка данной страны. При этом вопросы действительности завещания по существу относятся к сфере действия наследственного статута. Что же касается его формальной действительности и завещательной дееспособности, то этот аспект зачастую подвергается специальному регулированию, выходя за рамки как наследственного статута, так и личного закона завещателя. Не является исключением в этом плане и российское право.

Согласно п. 2 ст. 1224 ГК, способность лица к составлению и отмене завещания, в том числе в отношении недвижимого имущества, а также форма такого завещания или акта его отмены определяются по праву страны, где завещатель имел место жительства в момент составления такого завещания или акта; однако завещание или его отмена не могут быть признаны недействительными вследствие несоблю-

³⁷ См.: Story J. Op. cit. P. 829-830.

³⁸ См.: Вольф М. Указ. соч. С. 606.

дения формы, если она удовлетворяет требованиям права места составления завещания или акта его отмены либо требованиям российского права. Как видим, привязка данной нормы отличается от привязки общего коллизионного правила, определяющего наследственный статус. Анализируемое правило отличается и от ранее действовавшего регулирования (п. 2, 3 ст. 169 Основ ГЗ), причем сразу по нескольким направлениям.

Во-первых, предшествовавшая регламентация различала статус завещательной дееспособности и формы завещания в зависимости от того, какое имущество передавалось в силу соответствующего распоряжения, – движимое либо строения и другое недвижимое имущество, находящееся в СССР. В первом случае компетентным правом порядком признавалось право страны, на территории которой завещатель имел постоянное место жительства в момент составления завещания или акта его отмены; при этом завещание или акт его отмены не могли быть признаны недействительными вследствие несоблюдения формы, если она удовлетворяла требованиям места составления такого завещания или акта либо требованиям советского права. Во втором случае применялось право места нахождения недвижимости. Ныне действующее право не придает юридического значения составу наследственной массы для целей определения завещательной дееспособности и формальной действительности завещательного распоряжения или акта его отмены.

Очевидно, это обусловлено стремлением законодателя минимизировать случаи формальной недействительности завещания, если оно охватывает всю или большую часть наследственной массы, в том числе недвижимое имущество, а в большинстве случаев дело обстоит именно так. При этом была сохранена множественность коллизионных привязок для формы завещательного распоряжения или акта его отмены, что соответствует современным тенденциям развития международного частного права. Во-вторых, изменилась основная привязка коллизионной нормы: если ранее речь шла о праве места *постоянного* жительства завещателя, то теперь формулой прикрепления выступает его *место жительства*. Принимая во внимание тот факт, что лицо в течение жизни может менять место жительства, такая формулировка представляется вполне обоснованной, в противном случае при каждой перемене domicilia пришлось бы составлять новое завещание. Здесь обращает на себя внимание характерное обстоятельство: коллизионные правила Основ ГЗ о наследовании, как представляется, также исходили из того, что **постоянное** место житель-

ства лица может измениться, вследствие чего наследственный статус, как сказано выше, определялся по праву *последнего* постоянного места жительства наследодателя, а завещательная дееспособность и формальная действительность завещания – по праву *постоянного* места жительства завещателя. Таким образом, критерий «постоянства» места жительства был не случайно изъят из отечественных коллизионных норм о наследовании.